

Генри Райдер Хаггард

Всего лишь сон

Генри Райдер Хаггард
Всего лишь сон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125060

Генри Райдер Хаггард

Всего лишь сон

Следы... Следы... Следы мертвеца. Как зловеще возникают они передо мной! Они петляют по длинному залу взад и вперед, и я следую за ними. Где бы ни ступали эти неземные шаги, везде остается жуткий след. Я вижу как на мраморе вырастает нечто влажное и отвратительное.

Раздавить, растоптать, растереть все это грязным башмаком! Все напрасно. Видите, они снова проступают из черноты. Да может хоть кто-нибудь стереть следы мертвеца.

И тянется в бесконечность тусклая вереница событий прошлого, словно отзвук мертвой поступи, беспокойно блуждающей и оставляющей след, который невозможно уничтожить.

Бушуй, дикий ветер-вечный голос человеческого страдания; падайте, мертвые шаги, вечные отголоски человеческой памяти; ступайте, жуткие ноги, ступайте в незабвенную вечность.

Не правда ли странные мысли для жениха, странные тем более, что они витают ночью, точно зловещие облака в летнем небе. Да, да, я не ошибаюсь – завтра венчание. Надо быть лишенным всякой фантазии простофилей, что бы не понять для чего торжественно расставлены вдоль длинного стола подарки, и как хороши некоторые из них. Замечатель-

но наблюдать как устраиваются пышные свадьбы, как подсчитывают непредвиденных или забытых друзей, неожиданно вдруг обнаружившихся и приславших небольшие подарки в знак уважения. А ведь совсем иначе было с моей первой женьтибой, это был брак не по расчету, а истинно по любви.

Так вот, как я уже говорил, подарки были расположены строгими рядами, и меня переполняли приятные мысли о природной доброте человеческой натуры, и, в особенности, о щедрости наших дальних родственников. И не мудрено жениху с настойчивой любезностью предлагать всем гостям чай, не выпуская из рук серебряного заварочного чайника. И сколько раз в будущем по утрам меня будет ожидать этот самый чайник, по другую сторону от которого будет стоять кувшин со сливками, позади самовар с кипятком, спереди, непременно, сахарница, доверху наполненная колотым сахаром, и во главе стола будет восседать моя вторая жена. Возможно, так будет всю жизнь.

– Мой дорогой, – скажет она, – не хочешь ли еще чашечку чая? И я, вероятно, буду пить еще.

Но странно, какие мысли иногда приходят в голову. Иной раз помимо воли, точно по мановению некой волшебной палочки из глубины души поднимается и выходит нечто неведомое. Оно приходит в самые неожиданные моменты, и человеку вдруг открываются глубинные тайники его жизни, а сердце его содрогается, разбиваясь вдребезги, точно дерево от удара молнии. В том мрачном свете все земные предме-

ты кажутся далекими, а все невидимое приближается, приобретая призрачные очертания и внушая страх, и человек не только не осознает, что есть реальность, а что – вымысел, но и не может различить грань, отделяющую Дух от Жизни. И вновь те же отголоски шагов и те же призрачные следы, которые не могут быть уничтожены.

Снова эти странные мысли! И как упорно они преследуют меня! Пойду спать, уже час ночи. На дворе – сплошной стеной дождь. Я слышу его частую дробь по окнам и завывание ветра в ветвях высоких мокрых вязов в конце сада. Кажется где угодно я мог бы узнать плач этих деревьев, также как узнаешь знакомый голос друга. Что за ночь! Иногда, в октябре такие ночи случаются в той части Англии, где мы живем. Именно в такую ночь, тому уже три года, умерла моя первая жена. Помню, как приподнявшись с постели она сказала:

– Ах, эти ужасные вязы, хочу, чтобы ты их спилил, Френк; они плачут как женщина.

И я ответил, что непременно так и сделаю, но не успел, а вскоре она умерла, бедняжка. Поэтому старые вязы по-прежнему стоят, и мне по-прежнему нравится их музыка. Кому-то покажется странным: мое сердце было почти разбито, я любил ее нежно, да и она любила меня всей душой – и вот теперь я снова женюсь.

– Френк, Френк, не забывай меня! – это были последние слова моей жены.

И в самом деле я завтра женюсь, но память о ней живет в

моем сердце. Помню и то, как Анни Гатри (та, на ком я собираюсь жениться) приходила проведать ее за день до смерти. Я знаю, что Анни всегда была равнодушна ко мне, и, думаю, жена догадывалась об этом. После того как жена поцеловала Анни, попрощалась с ней, и как только за ней закрылась дверь, она сразу же заговорила:

– Это твоя будущая жена, Френк. После моей смерти ты женишься на ней; она милая, добрая, у нее две тысячи годовых, и она не умрет от душевной болезни. – И с едва заметной улыбкой добавила, – Френк, дорогой, будешь ли ты вспоминать обо мне, пока не женишься на Анни Гатри? Я обязательно буду помнить тебя.

И теперь время, предвиденное ею настало, и Бог-свидетель, я вспоминал о ней, бедняжке. Ах! Те мертвые шаги, которые будут преследовать меня всю жизнь, те женские следы по мраморному полу, которые никогда не исчезнут! Большинство из нас рано или поздно видят и слышат их, я же отчетливо вижу и слышу их сегодня ночью. Бедная моя покойница-жена, найдутся ли на земле такие двери, через которые можно было бы пройти и умудриться взглянуть на меня сегодня? Надеюсь, что нет. Поистине смерть должна быть адом для покойника, если он может увидеть, почувствовать и убедиться в измене своих любимых... Но пойду лягу и попытаюсь отдохнуть хоть немного. Эта свадьба утомляет меня, ведь я не так молод и силен как раньше. Скорее бы уж все закончилось или не начиналось бы вовсе.

Что бы это могло быть? Не ветер, потому что ветер никогда не издавал здесь таких звуков, но и не дождь, дождь к этому времени прекратился на минуту, и не лай собаки – у меня ее нет. Что-то очень похожее на женский плач, но откуда женщине быть на улице в такую ночь и в такой час. И вот опять раздается этот жуткий звук, от которого кровь стынет в жилах, да еще такой знакомый. Это женский голос, разносящийся вокруг дома. Вот сейчас кто-то стоит у окна, стучит в него... и... Великий боже! Она зовет меня!

– Френк! Френк! Френк!

И прежде чем мне удастся добраться до окна, чтобы дернуть и открыть его, она уже стучит и зовет из другого. Снова слабо доносящийся страшный вопль: «Френк! Френк!» Сейчас я слышу его у входной двери, и, почти сойдя с ума от жуткого страха, сбегая вниз в темный длинный зал и распахиваю дверь. Здесь – ничего, кроме дикого воя ветра и капель дождя с крыльца. Но все же мне слышны причитания, раздающиеся то вокруг дома, то дальше в кустарнике. Закрываю дверь и прислушиваюсь. Вот она пробралась через маленький дворик к черному ходу. Кто бы там ни был, но дорогу вокруг дома это существо знало хорошо. Я опять иду через зал, через вращающуюся дверь, через комнату прислуги, спускаюсь вниз на несколько ступенек в кухню, где не погасли еще остатки огня в камине, распространяя едва уловимые тепло и свет в сплошном мраке. Сейчас это существо стучит своим сжатым кулаком по тяжелому дереву и стран-

но, стук такой тихий, а отдается в пустой кухне так гулко.

Х Х Х

Меня колотило, я стоял, чувствуя дрожь во всем теле, но не осмеливался открыть дверь. Никакими словами невозможно выразить состояние совершенного отчаяния, охватившего меня. Я ощутил себя единственным живым существом во всем мире.

– Френк! Френк! – надрывался тот же знакомый голос. – Открой дверь, я очень замерзла. У меня так мало времени.

Сердце мое застыло, и только руки вынуждены были повиноваться. Медленно-медленно я поднял засов и открыл дверь, и мгновенно сильный поток воздуха выбил ее у меня из рук и широко распахнул. Черные облака немного рассеялись над головой, и показался клочок синего вымытого дождем неба, на котором судорожно мерцали одна-две звезды. С минуту я мог видеть только этот кусочек неба, но постепенно разобрал привычные очертания больших, неистово раскачивающихся вязов, а за ними четкую линию плит садовой стены. Затем кружащийся лист резко ударил меня по лицу и взгляд мой произвольно остановился на чем-то таком, что я не смог сразу определить: нечто маленькое, черное и мокрое.

– Что это? – хрипло вырвалось у меня. – Почему-то показалось, что это не могло быть человеком, и я не мог спро-

силь: «Кто это?»»

– Ты не узнаешь меня? – запричитал голос и в нем определенно почудилось что-то знакомое. – Я не могу войти и показаться, у меня нет времени. Ты так долго не открывал дверь, Френк, и я так продрогла, ужасно продрогла! Посмотри восходит луна и ты можешь разглядеть меня. Представляю, как страстно ты хочешь увидеть меня, впрочем, так же, как и я.

И пока это привидение говорило, или скорее причитало, лунный диск пробился сквозь влажный воздух и повис в нем. Передо мной предстала низенькая сморщенная фигура, оказавшаяся очень маленькой женщиной. Одета она была во все черное и поверх головы черное покрывало, наподобие свадебной фаты, полностью окутывало ее. И с каждой складки этой фаты и платья падали тяжелые капли воды.

В левой руке она держала небольшую корзинку, и в лунном свете ее рука, такая маленькая и худая, высвечивалась белым пятном. На безымянном пальце я заметил красную полоску – след от обручального кольца. Правая же рука была направлена ко мне так, будто молила о чем-то.

И как только я все это увидел, ужас, казалось, так и схватил меня за горло, словно он был живым существом, потому что, насколько знаком был голос, настолько оказался знакомым и облик, хотя церковный погост забрал его давным-давно. Я онемел и не мог даже пошевелиться.

– О, неужели ты все еще не узнаешь меня? – взмолился го-

лос. – Я пришла так издалека, чтобы увидеть тебя, но я не могу задерживаться. Смотри, смотри. – И своей тонкой рукой она начала судорожно срывать с себя черную фату, закуты-вающую ее. Наконец она упала, и, как во сне, я увидел то, что подсознательно ожидал увидеть: бледное лицо и светло-русые волосы моей жены. Не в состоянии ни говорить, ни двигаться, я только с изумлением смотрел на нее. Совершенно точно это была она, такую я видел ее в последний раз; смертельно бледная с багровыми кругами вокруг глаз, до подбородка накрытая покрывалом, с той лишь разницей, что сейчас глаза ее были широко раскрыты, взгляд устремлен на меня, а выбившуюся прядь мягких светлых волос развевал ветер.

– Теперь ты узнал меня, Френк? Мне было очень нелегко добраться повидать тебя и так холодно! Но завтра ты женишься, Френк, а я обещала, очень давно, вспомнить о тебе, когда ты надумаешь жениться, где бы я ни была, и я сдержала свое обещание, я пришла «оттуда» и принесла тебе подарок. Очень горько умирать такой молодой! А ведь я была так молода, чтобы умереть и покинуть тебя, но вынуждена была умереть. Возьми это, возьми скорее, я не могу оставаться дольше. И если я не могла дать тебе свою жизнь, Френк, то я принесла тебе свою смерть – возьми ее!

– И как только привидение всунуло корзинку мне в руку, снова пошел дождь, оттеняя лунный свет.

– Я должна идти, я должна идти, – доносился все тот же

знакомый голос в плаче отчаяния. — Почему ты долго не открывал дверь? Я хотела поговорить с тобой перед твоей свадьбой с Анни, а теперь я уже никогда больше не увижу тебя. Никогда! Никогда! Я навсегда потеряла тебя! Навсегда! Навсегда!

Как только затихли последние причитания, вихрем налетел ветер, с таким натиском и силой, как будто это были тысячи ветров, и швырнул меня в дом, с треском захлопнув за мной дверь. Шатаясь, я добрал до кухни и поставил на стол корзинку. Как раз в этот момент упали несколько тлеющих угольков и слабое пламя тускло осветило тарелки в кухонном шкафу и даже оловянный подсвечник и спичечный коробок рядом с ним. Чтобы окончательно не сойти с ума от темноты и страха, я схватил спички, зажег одну и поднес к свече. Вскоре она разгорелась, и я огляделся. Все было как обычно, все так, как оставила прислуга, над камином мерно отстукивали часы. Когда я посмотрел на них, пробило два, и в этой гнетущей обстановке их бой подействовал на меня успокаивающе.

Затем я взглянул на корзинку, ловко сплетенную из белых прутьев с черными ободками и с пестрой черно-белой ручкой. Я хорошо знал эту корзинку и другой подобной мне не доводилось видеть. Я купил ее на Мадейре много лет назад в подарок жене. И потом, в конце концов, ее смыло штормом с борта корабля в Ирландском проливе. Помню, в корзинке было много газет и библиотечных книг, за которые мне при-

шлось платить. А в свое время я очень часто видел эту самую корзинку вот на этом кухонном столе, потому как дорогая моя жена часто собирала в нее цветы, и коротко срезанные розы из нашего сада всегда были на кухне. Обычно, собрав цветы, она входила на кухню, ставила корзинку на стол, вот сюда, где она стоит сейчас, и давала распоряжения к обеду. Все это мгновенно всплыло в моей памяти, пока я чуть живой стоял со свечой в руке, с меркнувшим рассудком. Мне показалось, что я заснул и стал жертвой ночного кошмара и что проснувшись, все происшедшее окажется дурным сновидением. Но, нарушив тишину, по кухонному шкафу побежала и спрыгнула на пол мышь.

Что же было в корзинке? Я боялся заглянуть в нее и лишь остатки внутренней силы подтолкнули меня сделать это. Я придвинулся к столу и с минуту стоял, прислушиваясь к биению сердца. Затем я все таки протянул руку и приоткрыл крышку. На память пришли слова: «Я не могу дать тебе свою жизнь, поэтому я принесла тебе свою смерть». Что она имела в виду, и что вообще все это могло означать? Я должен знать, иначе я сойду с ума. Что бы там ни было, вот оно здесь, лежит, завернутое в полотно.

О! Боже! Помоги мне!

Это был маленький бесцветный человеческий череп!

Сон! В конце концов всего лишь кошмарный сон, но какой сон! А завтра я женюсь.

Смогу ли я жениться завтра?